

Секрет жене любимой рассказал,
Причем молчать об этом слово взял.
И поклялась она: «Секрет не выдам.
Подумать, ведь позор какой и стыд нам.
Тебя предать на посмеянье всех -
Да это было б преступленье, грех».
Но день прошел, и поняла – гнетет
Ее молчанье, и она умрет,
Когда от бремени не разрешится
И от секрета не освободится.
И вот, страшась злокозненных ушей,
Туда, где из болотца тек ручей,
Она без памяти, в слезах, сбежала,
Легла плашмя там, где струя журчала,
И, как в трясины выкликает выпь,
Она шепнула в водяную зыбь:
«Меня не выдай, милая вода,
Не выдай никому и никогда.
У мужа моего, царя, послушай,
Ослиные растут, о горе, уши.
Теперь на сердце легче, ведь скрывать
Ту тайну не могла я и молчать».
Конец рассказывать – напрасный труд,
Пусть у Овидия его прочтут.
Когда увидел рыцарь, что надежды
Нет никакой – сильнее он, чем прежде,
Отчаялся и крепко приуныл,
А срок его уж на исходе был,
И надо было в замок возвращаться
И с головой своей опять прощаться.
Вдруг на пути он видит много дам,
Они кружились в танце по лугам,
Их двадцать пять, а то и больше было.
И рыцарь к ним направился уныло
Задать постылый тот же все вопрос.
Но на лугу кустарник редкий рос,
И хоровода словно не бывало,
А на пеньке преважно восседала
Невзрачная, противная старушка.
Дряхла на вид, ну, словно та гнилушка,
С которой через силу поднялась.
«Сэр, – говорит ему, – я знаю вас,
И если вам никто помочь не может,
Я помогу вам, рыцарь мой пригожий:
Ведь к старости мы много узнаем».
«Любезная, скажи мне лишь о том,
Что женщина всему предпочитает.
Меня палач и плаха ожидают,
И если ложен будет мой ответ,
От смерти лютой мне спасенья нет».
«Так дай мне слово первое желанье
Мое исполнить, и за послушанье
Скажу тебе я, что тебя спасет».
«Даю я слово. Черт пусть унесет
И ввергнет в ад мою навеки душу,